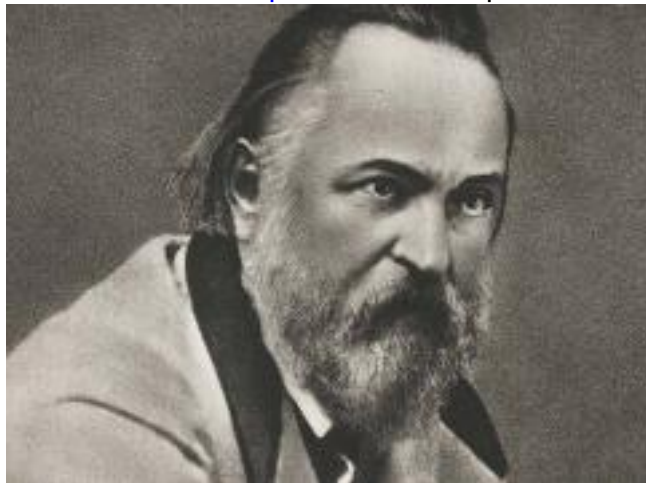

Наш путь в Европу. По следам А.И. Герцена

[Павел ЯКУША \(Украина\)](#) - 06 апреля 2017

Body

Наш путь в Европу. По следам А.Герцена

Любовь к Добру сынам дворян жгла сердце в снах,

А Герцен спал, не ведая про зло...

Но декабристы разбудили Герцена.

Он недоспал. Отсюда все пошло.

Н. Коржавин

Говоря современным языком, Александр Иванович Герцен (1812-1870) всегда был персоной медийной; неким даже медиумом идей популярных тогда и не потерявших свою ложную заманчивость сегодня. Его, без сомнения, интеллектуально мощная личность, с помещичьим размахом в поступках и молодцеватым удальством в суждениях, не может не остаться в русской истории и не привлекать к себе литературно-общественную мысль. Не вдаваясь в разбор многочисленных характеристик Герцена как человека, писателя, общественного деятеля, припомним всё же занимательные рассуждения о нём Достоевского. В «Дневнике писателя» за 1873 год Достоевский, размышляя о болезнях и страстях XIX века, пишет о Герцене, что тот «не полагал начало русской эмиграции; нет, он так уж и родился у нас эмигрантом», и далее о менее значительных «герценах», о так называемой либерально-демократической оппозиции: «они ‘...’ так прямо и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их не выезжало из России», «‘...’ к русскому народу они питали лишь одно презрение».

Расставание с Россией Герцен рисует, сгущая краски, дословно так: «Я, любезные граждане, не за тем оставил родину, чтоб искать себе другой: я всем сердцем люблю народ русский, а Россию оставил потому, что не мог быть немым и праздным свидетелем ее угнетения». Тут сказывается духовная неподготовленность Герцена выдержать,

назовём это, испытание Россией. Жизненное кредо Герцена – а следовал он некоему либерально-атеистическому «символу веры», основанному на разумном гуманизме, – явление сугубо психологическое. То, которое наметил уже Достоевский. И корни его – в отсутствии образования, которого Герцену ну никак не могли дать воспитатели разных социальных прослоек и национальностей. Не смогли они объяснить московскому отроку, что истинная духовная зрелость и любовь к русскому народу достигается (по крайней мере – должна достигаться!) в Православии и чрез него. Потому что только Православие – наивысшая точка кипения русского бытия и народной правды – способно «запрограммировать» человеческую душу на неоставленность, о которой на протяжении всего мемуарного цикла время от времени так печётся Герцен. Покуда народу дарована Господом Его милость – помышлять о перестройке мира, а вскоре и побеге из него – нечестно, безнравственно, что ли. В эту ловушку – почти по-шариковски «взять всё, да и изменить» – угодил и русский философ А.И. Герцен.

Упомянутое «эмигрантское» начало выгодно послужило Герцену-мыслителю. Душевные метания, окончившиеся возгласом «Dahin! Dahin!» (с немецкого – Туда! Туда!, то бишь за границу), встретили сочувствие и поддержку в Европе, где до конца своих дней осел прославленный «революционер-демократ», как сказал о нём Ленин. Что Герцен увидел и прозрел «там», куда с надеждой и мольбой посылал свой «Dahin!», – попробуем изложить в этой небольшой заметке. Читать станем «Былое и думы» – произведение грандиозное и весьма полезное, а особенно в условиях повсеместной евроинтеграции восточных славян. Конспектировать будем – замечания Герцена об «удобствах» и «преимуществах» Западной цивилизации. Вернее, то, что с ней приключилось после «реформаций», «просвещений» и «всеобщих свобод».

Первейшие – сказать бы, детские – впечатления от Европы Герцен получает в беззаботный период домашнего обучения. Сын помещика, он, как и заведено, воспитывается на дворянский манер гувернерами всех мастей и званий. Дабы отвлечь юного Сашу от «оригинально-уродливой русской жизни» (как изволил выразиться несколько позже уже повзрослевший Александр Иванович), отец, вечно бездельничающий русский барин, велел приставить к сыну заграничных учителей. (Надобно заметить, что «учителя» эти были в массе своей учителями на одних словах. Отставные прусские вояки, подзабытые высшим обществом французские «дамы бальзаковского возраста» – они становились начальными педагогами «русских мальчиков». Имеются веские основания предполагать, что плод подобного обучения был сорван нашим народом при попечительстве заблудшей интеллигенции в 1917 году). Но – возвратимся к сути повествования и поглядим, как Герцен в «Былом и думах» говорит об одном из этих учителей – немце. – «Немец при детях – не гувернер, и не дядька, это совсем особенная профессия. Он не учит детей и не одевает, а смотрит, чтоб они учились и были одеты, печется о их здоровье, ходит с ними гулять и говорит тот вздор, который хочет, не иначе, как по-немецки». Положение вещей не случайно, ибо «одна из причин дурного тона немцев происходит оттого, что в Германии вовсе не существует воспитания в нашем смысле слова. Немцев учат, и учат много, но совсем не воспитывают, даже в аристократии, в которой преобладают казарменные, юнкерские нравы». В связи с этим вспомним, что в немецком языке слова «профессия» и «призвание» помещены в одно понятие – Beruf. На страницах герценовских мемуаров кое-где проскакивает мысль, что сущность немецкого разума – в гегемонии профессионалов, точно и безошибочно выполняющих свой долг. И поэтому историческое бытие Германии выстраивается по принципу довлеющего разума. Философская позиция Александра Ивановича ясна: «Германский ум в революции, как во всем, берет общую идею, разумеется, в ее безусловном, т.е. недействительном, значении и довольствуется идеальным построением ее, воображая, что вещь сделана, если она понята ‘...’». Походя заметим: в недавней революции, внаглую совершённую на православной почве (имеется в виду Киев и евроинтеграционный мятеж 2013-2014 гг.), народ опять-таки заманили (за money!) «общей» идеей Европы и её «благополучием». При этом, совсем как в классике

детективного жанра, «забыли» сообщить, во что обойдётся и без этого истощённому народу реализация этой «филькиной грамоты». И вообще – нужна ли Украине, учитывая её духовную и культурную географию, столь приглашаемая туда «европейская цивилизация»? – Потенциальным ответом может сослужить вперёдсмотрящий сарказм Герцена, указующий на то, что Галиция (шире – Западная Украина) нужна немцу для того лишь, чтобы её «цивилизовать».

Несколько обобщая, можно сказать, что «столкновения» русской и романо-германской цивилизаций чаще происходили именно в этом смысловом контексте – учащих и учащихся. С неподдельной проницательностью Герцен ищет ответ, и в процитированной выше главе предаётся размышлениям вот на какой счёт: «Мы до сих пор смотрим на европейцев и Европу в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей, – с подострастием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая». Он уверен: «Мы Европу все еще знаем задним числом; нам все мерещатся те времена, когда Вольтер царил над парижскими салонами и на споры Дидро звали, как на стерлядь», «мы, для утешения себя, хотим другой Европы и верим в нее так, как христиане верят в рай», «мы вообще знаем Европу школьно, литературно». И – решительным предостережением потомкам! – Герцен оставляет запись: «Наше классическое незнание западного человека наделает много бед, из него еще разовьются племенные ненависти и кровавые столкновения». Страшная и близкая правда этих слов – в Донбассе.

Вот и Герценом вслед за горячей верой в цивилизацию Западного образца овладевает тупое разочарование. (Некоторые пассажи достойны внимания какого-нибудь Фрейда!). Протоиерей Василий Зеньковский, виднейший исследователь истории русской философской мысли, приходит к выводу, что «крушение веры в Западную Европу привело Герцена на край нравственной гибели». Приезд-переезд семейства Герценов в Европу ознаменовался временем, когда «вся Европа взяла свой одр и пошла – в припадке лунатизма, принятого нами за пробуждение». Христианская Европа шаг за шагом входила в собственное зеркальное отображение, помеченное антихристианской, но боевой окраской.

Тем не менее, первыми пробудить тоскующую славянскую душу Герцена выпал шанс французам – любимцам муз и любовникам революций. Хотя, как оказалось, «они одобряют, поощряют нас, хвалят наше произношение и наше богатство; мы выносим все это и являемся к ним как просители, даже отчасти как виноватые, радуясь, когда они из учтивости принимают нас за французов. Французы забрасывают нас словами – мы за ними не поспеваем, думаем об ответе, а им дела нет до него; нам совестно показать, что мы замечаем их ошибки, их невежество, – они пользуются всем этим с безнадежным довольством собой». Как истый историк и знаток европейских нравов, Герцен не проходит мимо вечной психологической вражды Франции и Англии. «Француз любит жить на людях, чтобы себя показать, чтобы иметь слушателей, и в этом он так же противоположен англичанину, как и во всем остальном. Англичанин смотрит на людей от скуки, смотрит, как из партера, употребляет людей для развлечения, для получения сведений; англичанин постоянно спрашивает, а француз постоянно отвечает». – Оно и неудивительно, ведь «французы заготавливаются тысячами по одному шаблону», «рассуждают, декламируют, восторгаются, чувствуют стадами одно и то же и одинаким образом выражают свои чувства». – Добавим лишь, что явственным подтверждением данной мысли может стать феномен французской моды, которая и стрижёт, и одевает всех одинаково. И чем больше голов, тем лучше. Александр Герцен со всею интеллектуальной беспощадностью обличает граждан современников: «Француз не свободен нравственно: богатый инициативой в деятельности, он беден в мышлении ‘...’ он пошлым идеям дает модный покров и доволен этим». А ко всему прочему: «Неистощимое богатство их длинной цивилизации, колоссальные запасы слов и образов мерцают в их мозгу, как фосфоресценция моря, не освещая ничего» и «неумеренная

любовь раскрывать истину, добираться до подробностей в делах уголовных, преследовать с ожесточением виноватых, сбивать их». – Подобный настрой французской образованной общественности привёл к тому, что Франция, особо в XX веке, стала центром этического и эстетического разврата, дав путёвку в жизнь в искусстве всяческим разгнuzданностям и распутностям под общей личиной так называемой «сексуальной революции». Идеейные продолжатели «скорбных дел» революционеров и социалистов, французские философы послевоенной поры Ж.-П. Сартр, М. Фуко, Ж. Лакан и многие другие, во всеуслышание вещали: «Ад – это другие». Страшилками такого уровня, наряду с популярным на просторах нашего отечества психоанализом фрейдовской фабрики, и по сей день пытается запугать человечество небезызвестный Charlie Hebdo, еженедельник французского разлива. Нет сомнений, что тот чёрт, которого «малюет» Charlie Hebdo, в скором времени высунется-таки из своей табакерки и покажет, где раки зимуют. А пока – вездесущая свобода слова и самовыражения...

Но мы-то ведаем, что всё это современное сатирическое журнальё, «дожди», «эха Москвы» – лишь унылое подобие «Колокола», который курировали Герцен и странный товарищ его Огарёв. «Колокол», эта первая русская революционная газета, тоже ведь трезвонил о вещах, так обожаемых сегодняшними вольнодумцами. История идёт по кругу. О прогрессе говорить пока рановато. Не исключено, что человечество в обозримом будущем то ли от скуки, то ли ради научного эксперимента начнёт эволюционировать вспять. И возжелает из того же француза заделаться каким-нибудь кроманьонцем, родина которого та же Франция.

Целый ряд штрихов оставляет Герцен на обобщённом портрете англичанина. Наиболее отчётливо проявляются эти штрихи тогда, когда речь заходит о его национальной гордости – о свободе. – «Англичанин не имеет особой любви к иностранцам, еще меньше – к изгнанникам, которых считает бедняками, – а этого порока он не прощает, – но за право убежища он держится; безнаказанно касаться его он не позволяет, так точно, как касаться до права митингов, до свободы книгопечатания». Именно этот фактор и убедил Герцена обосноваться со своей вольной типографией в Лондоне. И, видимо, время, проведенное на туманном Альбионе, внесло житейские коррективы: «Свобода англичанина больше в учреждениях, чем в нем, чем в его совести». (И эти учреждения – социальные институты – ныне воспринимаются нашими западниками как некая волшебная палочка в «невидимой руке рынка», способствующая скорому наступлению едва ли не «эры милосердия»). Как-то в ответ на умилительные возлияния собеседника-англичанина относительно человеколюбия английского законодательства Герцен нашёл с ответом, дескать: «Не оттого ли все народы больше уважают Англию, чем любят англичан».

«Англия хитро хранит вид силы, отошедши в сторону, будто гордая в своем мнимом неучастии». – Эти впечатления будто сняты с новостной строки в телевизоре, сообщающем о недавнем выходе Британии из Евросоюза, так называемом Brexit. Не так ли?!

И ещё. Залюбленная англичанами свобода, помним, развязала язык и «бичам Божьим» от революции – Марксу и Энгельсу, которые в одно время с Герценом в том же Лондоне пытались схватить за хвост неумолимую логику истории. Эта свобода настолько размягчила ум и душу Маркса, что итогом идейной, но заочной перепалки между Герценом и Марксом стало прямо-таки «уничтожающее» высказывание последнего, основанное на том, что хотя Маркс и не имеет частного обвинения, «но находит достаточным, что я [то есть Герцен – П.Я.] русский, и притом русский, который во всем, что писал, поддерживает Россию». Любезностями в сторону славян Маркс особо не радовал никогда, а теперь тому – ещё одно подтверждение.

По очевидной причине того, что мы живём в веке XXI-ом, припомним для полного списка и

такое явление, как американизация. Весьма любопытен сам по себе факт обращения Герцена к столь щекотливой теме. Тем более, что удивительно точные слова подобраны: «Северо-Американские Штаты с своим единством цивилизации легко опередят Европу, их положение проще. Уровень их цивилизации ниже западноевропейского, но он один, и до него достигают все, и в этом их страшная сила». – Прогноз Герцена взят на вооружение известным американско-польским политехнологом З. Бжезинским, довольно-таки известным русскому читателю по книге «Великая шахматная доска». Концептуальный подход у вельможного пана близок к направленности герценовских мыслей: «Демократические идеалы, связанные с американскими политическими традициями, еще больше укрепляют то, что некоторые воспринимают как американский "культурный империализм"». Вещь, казалось бы, маловероятная, однако на сегодняшний день сама Европа – под прицелом американской геополитики.

Как настоящий гурман и путешественник, не обделил Герцен своим пристальным вниманием и гастрономическую тему. Человек западного покроя, крепко-накрепко связанный духовно-желудочным трактом с обществом потребления, в индивидуальном развитии всё больше приближается к той жизненной установке, когда время, жертвуемое на занятия искусством, политикой, спортом и прочим, – станет лишь непродолжительным перерывом от поглощения пищи. Ввиду этого вполне вероятно, что гастрономическими наблюдениями Герцена когда-нибудь вооружатся грядущие геополитики. Натя: «Англичанин ест много и жирно, немец много и скверно, француз немного, но с энтузиазмом; англичанин сильно пьет пиво и все прочее, немец пьет тоже пиво да еще пиво за все прочее». Как говорится, приятного аппетита!

В завершении дадим Герцену чуть «почитать мораль», тем самым внеся в статью необходимую нотку плюрализма, без которого по нынешним временам ни за что не выйти на мировой уровень. – «Наша цивилизация наковна, разврат груб, у нас из-под пудры колет щетина и из-под белил виден загар, у нас есть лукавство диких, разврат животных, уклончивость рабов, у нас везде являются кулаки и деньги – но мы далеко отстали от наследственной, летучей тонкости западного растления. ‘...’ Образование у нас до последнего времени составляло предел, который много гнусного и порочного не переходило». Впрочем, достаточно включить телевизор или подключиться к сети Internet – а это всё пути того-таки растления в глобальном масштабе, – чтобы удостовериться в распространяющемся существовании «гнусного» и «порочного».

Случай Александра Ивановича Герцена – своевременный и, на поверку, необходим, дабы прояснить для самих себя некую историософскую истину. – Что со времён Петра I Россия и Европа представляют собой зеркала внешнего вида друг для друга. Европа, взирая на Россию, способна увидеть, какой сравнительно положительной она была триста лет тому назад. Россия, следуя этой же процедуре всматривания, – какой будет относительно плохой и однообразной спустя те же триста лет. В этом путь так называемого прогресса Европейской и отсталости, «застоя» Русской цивилизации.

Любовь к Добру сынам дворян жгла сердце в снах,

А Герцен спал, не ведая про зло...

Но декабристы разбудили Герцена.

Он недоспал. Отсюда все пошло.

Н. Коржавин

Говоря современным языком, Александр Иванович Герцен (25 марта (6 апреля) 1812, Москва — 9 (21) января 1870, Париж) всегда был персоной медийной; неким даже медиумом идей популярных тогда и не потерявших свою ложную заманчивость сегодня. Его, без сомнения, интеллектуально мощная личность, с помещичьим размахом в поступках и молодцеватым удалством в суждениях, не может не остаться в русской истории и не привлекать к себе литературно-общественную мысль. Не вдаваясь в разбор многочисленных характеристик Герцена как человека, писателя, общественного деятеля, припомним всё же занимательные рассуждения о нём Достоевского. В «Дневнике писателя» за 1873 год Достоевский, размышляя о болезнях и страстях XIX века, пишет о Герцене, что тот «не полагал начало русской эмиграции; нет, он так уж и родился у нас эмигрантом», и далее о менее значительных «герценах», о так называемой либерально-демократической оппозиции: «они ‘...’ так прямо и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их не выезжало из России», «‘...’ к русскому народу они питали лишь одно презрение».

Расставание с Россией Герцен рисует, сгущая краски, дословно так: «Я, любезные граждане, не за тем оставил родину, чтоб искать себе другой: я всем сердцем люблю народ русский, а Россию оставил потому, что не мог быть немым и праздным свидетелем ее угнетения». Тут сказывается духовная неподготовленность Герцена выдержать, назовём это, испытание Россией. Жизненное кредо Герцена – а следовал он некоему либерально-атеистическому «символу веры», основанному на разумном гуманизме, – явление сугубо психологическое. То, которое наметил уже Достоевский. И корни его – в отсутствии образования, которого Герцену ну никак не могли дать воспитатели разных социальных прослоек и национальностей. Не смогли они объяснить московскому отроку, что истинная духовная зрелость и любовь к русскому народу достигается (по крайней мере – должна достигаться!) в Православии и чрез него. Потому что только Православие – наивысшая точка кипения русского бытия и народной правды – способно «запрограммировать» человеческую душу на неоставленность, о которой на протяжении всего мемуарного цикла время от времени так печётся Герцен. Покуда народу дарована Господом Его милость – помышлять о перестройке мира, а вскоре и побеге из него – нечестно, безнравственно, что ли. В эту ловушку – почти по-шариковски «взять всё, да и изменить» – угодил и русский философ А.И. Герцен.

Упомянутое «эмигрантское» начало выгодно послужило Герцену-мыслителю. Душевные метания, окончившиеся возгласом «Dahin! Dahin!» (с немецкого – Туда! Туда!, то бишь за границу), встретили сочувствие и поддержку в Европе, где до конца своих дней осел прославленный «революционер-демократ», как сказал о нём Ленин. Что Герцен увидел и прозрел «там», куда с надеждой и мольбой посылал свой «Dahin!», – попробуем изложить в этой небольшой заметке. Читать станем «Былое и думы» – произведение грандиозное и весьма полезное, а особенно в условиях повсеместной евроинтеграции восточных славян. Конспектировать будем – замечания Герцена об «удобствах» и «преимуществах» Западной цивилизации. Вернее, то, что с ней приключилось после «реформаций», «просвещений» и «всеобщих свобод».

Первейшие – сказать бы, детские – впечатления от Европы Герцен получает в беззаботный период домашнего обучения. Сын помещика, он, как и заведено, воспитывается на дворянский манер гувернерами всех мастей и званий. Дабы отвлечь юного Сашу от «оригинально-уродливой русской жизни» (как изволил выразиться несколько позже уже повзрослевший Александр Иванович), отец, вечно бездельничающий русский барин, велел приставить к сыну заграничных учителей. (Надобно заметить, что

«учителя» эти были в массе своей учителями на одних словах. Отставные прусские вояки, подзабытые высшим обществом французские «дамы бальзаковского возраста» – они становились начальными педагогами «русских мальчиков». Имеются веские основания предполагать, что плод подобного обучения был сорван нашим народом при попечительстве заблудшей интеллигенции в 1917 году). Но – возвратимся к сути повествования и поглядим, как Герцен в «Былом и думах» говорит об одном из этих учителей – немце. – «Немец при детях – не гувернер, и не дядька, это совсем особенная профессия. Он не учит детей и не одевает, а смотрит, чтоб они учились и были одеты, печется о их здоровье, ходит с ними гулять и говорит тот вздор, который хочет, не иначе, как по-немецки». Положение вещей не случайно, ибо «одна из причин дурного тона немцев происходит оттого, что в Германии вовсе не существует воспитания в нашем смысле слова. Немцев учат, и учат много, но совсем не воспитывают, даже в аристократии, в которой преобладают казарменные, юнкерские нравы». В связи с этим вспомним, что в немецком языке слова «профессия» и «призвание» помещены в одно понятие – Beruf. На страницах герценовских мемуаров кое-где проскакивает мысль, что сущность немецкого разума – в гегемонии профессионалов, точно и безошибочно выполняющих свой долг. И поэтому историческое бытие Германии выстраивается по принципу довлеющего разума. Философская позиция Александра Ивановича ясна: «Германский ум в революции, как во всем, берет общую идею, разумеется, в ее безусловном, т.е. недействительном, значении и довольствуется идеальным построением ее, воображая, что вещь сделана, если она понята ‘...’». Походя заметим: в недавней революции, внаглую совершённую на православной почве (имеется в виду Киев и евроинтеграционный мятеж 2013-2014 гг.), народ опять-таки заманили (за money!) «общей» идеей Европы и её «благополучием». При этом, совсем как в классике детективного жанра, «забыли» сообщить, во что обойдётся и без этого истощённому народу реализация этой «филькиной грамоты». И вообще – нужна ли Украине, учитывая её духовную и культурную географию, столь приглашаемая туда «европейская цивилизация»? – Потенциальным ответом может сослужить вперёдсмотрящий сарказм Герцена, указующий на то, что Галиция (шире – Западная Украина) нужна немцу для того лишь, чтобы её «цивилизовать».

Несколько обобщая, можно сказать, что «столкновения» русской и романо-германской цивилизаций чаще происходили именно в этом смысловом контексте – учащих и учащихся. С неподдельной проницательностью Герцен ищет ответ, и в процитированной выше главе предаётся размышлениям вот на какой счёт: «Мы до сих пор смотрим на европейцев и Европу в том роде, как провинциалы смотрят на столичных жителей, – с подобострастием и чувством собственной вины, принимая каждую разницу за недостаток, краснея своих особенностей, скрывая их, подчиняясь и подражая». Он уверен: «Мы Европу все еще знаем задним числом; нам все мерещатся те времена, когда Вольтер царил над парижскими салонами и на споры Дидро звали, как на стерлядь», «мы, для утешения себя, хотим другой Европы и верим в нее так, как христиане верят в рай», «мы вообще знаем Европу школьно, литературно». И – решительным предостережением потомкам! – Герцен оставляет запись: «Наше классическое незнание западного человека наделает много бед, из него еще разовьются племенные ненависти и кровавые столкновения». Страшная и близкая правда этих слов – в Донбассе.

Вот и Герценом вслед за горячей верой в цивилизацию Западного образца овладевает тупое разочарование. (Некоторые пассажи достойны внимания какого-нибудь Фрейда!). Протоиерей Василий Зеньковский, виднейший исследователь истории русской философской мысли, приходит к выводу, что «крушение веры в Западную Европу привело Герцена на край нравственной гибели». Приезд-переезд семейства Герценов в Европу ознаменовался временем, когда «вся Европа взяла свой одр и пошла – в припадке лунатизма, принятого нами за пробуждение». Христианская Европа шаг за шагом входила

в собственное зеркальное отображение, помеченное антихристианской, но боевой окраской.

Тем не менее, первыми пробудить тоскующую славянскую душу Герцена выпал шанс французам – любимцам муз и любовникам революций. Хотя, как оказалось, «они одобряют, поощряют нас, хвалят наше произношение и наше богатство; мы выносим все это и являемся к ним как просители, даже отчасти как виноватые, радуясь, когда они из учтивости принимают нас за французов. Французы забрасывают нас словами – мы за ними не поспеваем, думаем об ответе, а им дела нет до него; нам совестно показать, что мы замечаем их ошибки, их невежество, – они пользуются всем этим с безнадежным довольством собой». Как истый историк и знаток европейских нравов, Герцен не проходит мимо вечной психологической вражды Франции и Англии. «Француз любит жить на людях, чтобы себя показать, чтобы иметь слушателей, и в этом он так же противоположен англичанину, как и во всем остальном. Англичанин смотрит на людей от скуки, смотрит, как из партера, употребляет людей для развлечения, для получения сведений; англичанин постоянно спрашивает, а француз постоянно отвечает». – Оно и неудивительно, ведь «французы заготавливаются тысячами по одному шаблону», «рассуждают, декламируют, восторгаются, чувствуют стадами одно и то же и одинаким образом выражают свои чувства». – Добавим лишь, что явственным подтверждением данной мысли может стать феномен французской моды, которая и стрижёт, и одевает всех одинаково. И чем больше голов, тем лучше. Александр Герцен со всею интеллектуальной беспощадностью обличает граждан современников: «Француз не свободен нравственно: богатый инициативой в деятельности, он беден в мышлении ‘...’ он пошлым идеям дает модный покров и доволен этим». А ко всему прочему: «Неистощимое богатство их длинной цивилизации, колоссальные запасы слов и образов мерцают в их мозгу, как фосфоресценция моря, не освещая ничего» и «неумеренная любовь раскрывать истину, добираться до подробностей в делах уголовных, преследовать с ожесточением виноватых, сбивать их». – Подобный настрой французской образованной общественности привёл к тому, что Франция, особо в XX веке, стала центром этического и эстетического разврата, дав путёвку в жизнь в искусстве всяческим разгнужданностям и распутностям под общей личиной так называемой «сексуальной революции». Идеи продолжатели «скорбных дел» революционеров и социалистов, французские философы послевоенной поры Ж.-П. Сартр, М. Фуко, Ж. Лакан и многие другие, во всеуслышание вещали: «Ад – это другие». Страшилками такого уровня, наряду с популярным на просторах нашего отечества психоанализом фрейдовской фабрики, и по сей день пытается запугать человечество небезызвестный Charlie Hebdo, еженедельник французского разлива. Нет сомнений, что тот чёрт, которого «малюет» Charlie Hebdo, в скором времени высунется-таки из своей табакерки и покажет, где раки зимуют. А пока – вездесущая свобода слова и самовыражения...

Но мы-то ведаем, что всё это современное сатирическое журнальё, «дожди», «эха Москвы» – лишь унылое подобие «Колокола», который курировали Герцен и странный товарищ его Огарёв. «Колокол», эта первая русская революционная газета, тоже ведь трезвонил о вещах, так обожаемых сегодняшними вольнодумцами. История идёт по кругу. О прогрессе говорить пока рановато. Не исключено, что человечество в обозримом будущем то ли от скуки, то ли ради научного эксперимента начнёт эволюционировать вспять. И возжелает из того же француза заделаться каким-нибудь кроманьонцем, родина которого та же Франция.

Целый ряд штрихов оставляет Герцен на обобщённом портрете англичанина. Наиболее отчётливо проявляются эти штрихи тогда, когда речь заходит о его национальной гордости – о свободе. – «Англичанин не имеет особой любви к иностранцам, еще меньше – к изгнанникам, которых считает бедняками, – а этого порока он не прощает, – но за право

убежища он держится; безнаказанно касаться его он не позволяет, так точно, как касаться до права митингов, до свободы книгопечатания». Именно этот фактор и убедил Герцена обосноваться со своей вольной типографией в Лондоне. И, видимо, время, проведенное на туманном Альбионе, внесло житейские коррективы: «Свобода англичанина больше в учреждениях, чем в нем, чем в его совести». (И эти учреждения – социальные институты – ныне воспринимаются нашими западниками как некая волшебная палочка в «невидимой руке рынка», способствующая скорому наступлению едва ли не «эры милосердия»). Как-то в ответ на умилительные возлияния собеседника-англичанина относительно человеколюбия английского законодательства Герцен нашёлся с ответом, дескать: «Не оттого ли все народы больше уважают Англию, чем любят англичан».

«Англия хитро хранит вид силы, отошедши в сторону, будто гордая в своем мнимом неучастии». – Эти впечатления будто сняты с новостной строки в телевизоре, сообщающем о недавнем выходе Британии из Евросоюза, так называемом Brexit. Не так ли?!

И ещё. Залюбленная англичанами свобода, помним, развязала язык и «бичам Божьим» от революции – Марксу и Энгельсу, которые в одно время с Герценом в том же Лондоне пытались схватить за хвост неумолимую логику истории. Эта свобода настолько размягчила ум и душу Маркса, что итогом идейной, но заочной перепалки между Герценом и Марксом стало прямо-таки «уничтожающее» высказывание последнего, основанное на том, что хотя Маркс и не имеет частного обвинения, «но находит достаточным, что я [то есть Герцен – П.Я.] русский, и притом русский, который во всем, что писал, поддерживает Россию». Любезностями в сторону славян Маркс особо не радовал никогда, а теперь тому – ещё одно подтверждение.

По очевидной причине того, что мы живём в веке XXI-ом, припомним для полного списка и такое явление, как американизация. Весьма любопытен сам по себе факт обращения Герцена к столь щекотливой теме. Тем более, что удивительно точные слова подобраны: «Северо-Американские Штаты с своим единством цивилизации легко опередят Европу, их положение проще. Уровень их цивилизации ниже западноевропейского, но он один, и до него достигают все, и в этом их страшная сила». – Прогноз Герцена взят на вооружение известным американско-польским политтехнологом З. Бжезинским, довольно-таки известным русскому читателю по книге «Великая шахматная доска». Концептуальный подход у вельможного пана близок к направленности герценовских мыслей: «Демократические идеалы, связанные с американскими политическими традициями, еще больше укрепляют то, что некоторые воспринимают как американский "культурный империализм"». Вещь, казалось бы, маловероятная, однако на сегодняшний день сама Европа – под прицелом американской геополитики.

Как настоящий гурман и путешественник, не обделил Герцен своим пристальным вниманием и гастрономическую тему. Человек западного покроя, крепко-накрепко связанный духовно-желудочным трактом с обществом потребления, в индивидуальном развитии всё больше приближается к той жизненной установке, когда время, жертвуемое на занятия искусством, политикой, спортом и прочим, – станет лишь непродолжительным перерывом от поглощения пищи. Ввиду этого вполне вероятно, что гастрономическими наблюдениями Герцена когда-нибудь вооружаться грядущие геополитики. Натё: «Англичанин ест много и жирно, немец много и скверно, француз немного, но с энтузиазмом; англичанин сильно пьет пиво и все прочее, немец пьет тоже пиво да еще пиво за все прочее». Как говорится, приятного аппетита!

В завершении дадим Герцену чуть «почитать мораль», тем самым внеся в статью

необходимую нотку плюрализма, без которого по нынешним временам ни за что не выйти на мировой уровень. – «Наша цивилизация накожна, разврат груб, у нас из-под пудры колет щетина и из-под белил виден загар, у нас есть лукавство диких, разврат животных, уклончивость рабов, у нас везде являются кулаки и деньги – но мы далеко отстали от наследственной, летучей тонкости западного растления. ‘...’ Образование у нас до последнего времени составляло предел, который много гнусного и порочного не переходило». Впрочем, достаточно включить телевизор или подключиться к сети Internet – а это всё пути того-таки растления в глобальном масштабе, – чтобы удостовериться в распространяющемся существовании «гнусного» и «порочного».

Случай Александра Ивановича Герцена – своевременный и, на поверку, необходим, дабы прояснить для самих себя некую историософскую истину. – Что со времён Петра I Россия и Европа представляют собой зеркала внешнего вида друг для друга. Европа, взирая на Россию, способна увидеть, какой сравнительно положительной она была триста лет тому назад. Россия, следуя этой же процедуре всматривания, – какой будет относительно плохой и однообразной спустя те же триста лет. В этом путь так называемого прогресса Европейской и отсталости, «застоя» Русской цивилизации.

[Павел ЯКУША \(Украина\)](#) - 06 апреля 2017

<http://webkamerton.ru/2017/04/nash-put-v-evropu-po-sledam-a-gercena>